

Дмитрий Маслов

# Карантин



Merseburger Zauber

...wieder

В каптерке сидели трое. Димка, Миха и Игорь. Сидели молча. Молчали задумчиво. С утра потерялся Костя Любимов, а с ним вместе Лёха Гастев. С утра объявили карантин из-за гриппа. Пришла смена боевого дежурства, построение, всех, кто имеет симптомы заболевания в карантин. Обед обещали не отменять, но после обеда в казармах останутся только здоровые. Так сообщил сначала взводный Кадаш, а потом подтвердил старшина Жучков. Рудаков объявит после развода, если развод будет, конечно. Вот какие дела! А тут еще, как назло Люба с Гастеном в самоволку рванули, и их уже сутки нет.

Дежурный по роте Мишка Рыжков, как мог, скрывал самоволку пацанов, но теперь все сроки вышли.

«Что делать-то? Димон, а»? – Спросил Миха, стукнув кулачищем по столу: «Ну только пусть появятся, я им дам прикурить».

«Если до развода не придут, нам всем вместе с ними влетит. И не от тебя, а от ротного. Ну, тебе, конечно, больше всех. Слава Богу, я сменился». - Димка, не смотря на то, что комсорг, с жаром перекрестился.

«Ладно, хватит! Давайте думать, как их отмазать, если по плохому варианту всё пойдет». – Грамотно рассудил Игорь Малашин и добавил: «А сейчас давайте все-таки чая выпьем! Пить охота!»

«А у тебя случайно в горле не сушит? Смотри, закроют на карантин!» – Воскликнул Димка Огурцов, и ребята дружно засмеялись.

Димка принялся разливать чай по кружкам. Мишка резал буханку офицерского белого хлеба. Игорь вскрывал штык-ножом банку тушенки.

В этот момент в дверь каптерки заскреблись.

«Тихо!» – Скомандовал шепотом Димка: «Жучков, небось, шарится».

В тишине кто-то протяжно зашипел: «Димон, Димон».

- Люба, ты?

- Я.

Огурцов вскочил с кресла и резко распахнул дверь в каптерку.

За дверью в спортивных костюмах, словно только что с пробежки, запыхавшиеся, стояли Любимов и Гастев.

«Ну, я вам сейчас дам, сволочи». – Зарычал Рыжков и пустился в длинное и туманное из-за непереводаемых словосочетаний описание, чего он собственно им даст.

«Хорош орать, Миха! Заткнись! А то, сейчас старшина и вправду придет подвал проверять». – Сказал Игорь Малашин, за грудки затащив «запорщиков» внутрь каптерки.

«Рассказывайте, где сутки лазили»? – Спросил Рыжков и отправил целиком в пасть ломоть хлеба с тушенкой.

Ребята помялись немного, а затем довольно подробно поведали, что уже не первый раз выбирают в город, гуляют по улицам, а после долго сидят в каком-нибудь гаштете, пока не выгонят. И в этот раз все было отлично, пока в гаштет не заглянул военный патруль. Два стриженных бойца в спортивных костюмах не первой свежести, в стоптанных кедах сразу обратили на себя внимание. Патрульные, а это старлей с красными погонами и двое рядовых тоже краснопогонников. По виду рядовые, салаги еще, не опытные, но старлей оказался приставучий. Сразу полез с вопросами: «кто, такие? Имена? Звания? Номер ВЧ?»

Наши пацаны язык проглотили. Сидят, молчат. Сжали в ладонях кружки с пивом и не звука.

Старлей стал заметно нервничать.

«Встать! На выход!» – Приказал он.

И тут Люба, ну то есть Костя Любимов, благо в разведывательном полку служит, как начнет по-английски тараторить в таком духе: «*What's the matter? What do you want? What is the basis of the interview?*»?

А Гастон, Лёха Гастев значит, головой крутит в такт и бубнит в коротких паузах: «*What the hell*», ну и *fuck* иногда прибавляет.

Прошло минут пять таких плодотворных переговоров. Бойцы патрульные, разинув рты, заскучали в позе кенгуру при виде крокодила. Старлей покраснел, как рак и промямлил, обращаясь к своим рядовым: «С миссии что ли? Америкосы?»

Со стороны рядовых патрульных ответа не последовало. Старлей застыл в той же кенгуриной позе, а Люба с Гастоном, воспользовавшись заминкой, вроде как нехотя поднялись и, шасть из гаштета.

«И чего, всё? Смотались»? – Не удержался от вопроса Огурцов.

«Да, нет! Всё только началось!» – Алексей всплеснул руками: «Костян, расскажи, как там дальше было».

«А дальше – картина маслом!» – С ростовским южным акцентом воскликнул Костя Любимов и продолжил рассказ.

В тот самый момент, когда наши ребята отворяли дверь гаштета на выход, старлей из патруля начал выходить из анабиоза и размышлять буквально по порядку пробуждения сознания.

Первое: а откуда в Мерзебурге, за сотни километров от Берлина и от границы с ФРГ американская военная миссия?

Второе: а почему они, америкосы поганые, в спортивных костюмах?

И наконец, третье: а чего комендатуру не известили об иностранцах?

Четвертой к старлею пришла ошибочная, но такая волнительная мысль, которая и стала, по понятным причинам, роковой в нашей истории.

Именно эту мысль начальник патруля произнес вслух, громко и четко, чем и разбудил окаменевших кенгуру, пардон, рядовых своего патруля.

- А не готовится ли провокация или хуже - вторжение?

Все эти «игры разума» продолжались не больше полминуты, надо отдать должное быстроте умственных реакций советского офицера, тем более с красными погонями. Кто знает, о чем собственно речь, тот поймет, насчет красных погон, конечно!

А сейчас пытливым читателем спросит, а откуда Люба с Гастоном могли знать, что там себе думал старлей с патрульными и думал ли вообще? Да, конечно, ничего Гастон и Люба не знали и даже не предполагали. Но согласитесь, ведь вполне могло быть и так!

Так или иначе, патруль ринулся в погоню.

Старлей уже, добавим, возможно, в своем воображении сверлил дырочки на погонах, а может даже и на кителе под орден, кто знает.

Рядовые замечтались об отпуске. Короче говоря, романтического аромата в воздухе было хоть половником черпай!

Наши-то ребята - тертые калачи, не в первый раз за два года службы в самоволках, Мерзебург знают от и до. Городишко-то маленький, не Москва, улочки узкие, кривые, местами очень кривые, есть, где заныкаться.

Наши и заныкались, где-то в районе «стекляшки». Если точнее, то в самой «стекляшке». Пока Лёха с Костей подбирают цензурные русские выражения, это они по-английски шпарят как из «калаша», с русским у них сложнее, надо пояснить, что такое «стекляшка» для тех, кто не бывал в Мерзебурге, особенно в конце 80-х годов прошлого века.

«Стекляшка» – это недорогое кафе со стеклами по всем четырем наружным стенам «от пола до потолка» - отсюда и название «стекляшка». Кафешка располагалась, да и сейчас на том же месте, почти что в центре города, аккурат против Домского собора.

Кафешку сильно любили офицеры и прапорщики 253 полка по нескольким причинам – близко от части, в красивой, можно сказать исторической части города и, что немало важно, за демократические, почти социалистические цены на пиво, шнапс и закуски. В будние, свободные от нарядов дни здесь можно было хорошо посидеть в кругу друзей, а в воскресные дни прекрасно провести время с семьей. Хорошее место. Самовольщики из нашего полка туда по перечисленным выше причинам не захаживали. Ну, если только в крайнем случае! Сейчас наступил именно такой случай. Здесь следует добавить, что девчонки с кухни кафе, мягко сказать, привечали русских посетителей за щедрость души и томные взгляды со стороны не только холостых, но и женатых военных. Кроме того, в силу небольшого языкового барьера *Freundin* вопросов не задавали.

Так, без вопросов, они и встретили двух русских пацанов, прильнувших к задней двери загрузочного отделения кафе.

Костя, запыхавшись от быстрого бега по брусчатке старого города, отдышавшись, обрисовал ситуацию, как смог, по-немецки.

- Wir werden von Kranken verfolgt! За нами гонятся больные!

- Kranken? Больные?

- Ja! Ja! Aus dem Krankenhaus geflohen! Да! Да! Из больницы сбежали!

Такой или примерно такой диалог прозвучал на заднем входе в «стекляшку».

Тем временем, кольцо преследования стремительно сужалось.

Старлей, добежав до ближайшего телефона, поднял на ноги всю гарнизонную комендатуру.

«Американцы в городе»! – Кричал в трубку старший лейтенант, отчаянно вращая глазами.

Военные патрули, стянутые со всех концов города и даже поднятые с коек отдыхающие смены, активно прочесывали город. Приближались к центру. К «стекляшке».

Встречные немецкие обыватели скрывались в подворотнях, прятались по телефонным будкам, не спешили выходить из припаркованных трабантов.

«Ловят опять кого-то»? – Интересовались горожане и торопливо разбегались кто куда.

На этом месте ребята прервали свой рассказ, так как заныкались они к этому месту капитально, на радость молоденьким немецким кухаркам и дальше им собственно рассказывать нечего, кроме как о том, что отсиделись почти до ночи.

Ночью Эльза, одна из посудомоек, вывела ребят «огородами» на Гойзер штрассе, напрямик к офицерским ДОСам. Там самовольщики отсиделись у «вольняг» в котельной, а ближе к обеду пробрались в казарму, потом три лестничных пролета вниз в подвал, к Димкиной каптерке. Дальше вы знаете.

Но история имеет развитие! Из проверенных источников за пределами части стало известно, что патрульные окружили «стекляшку» со всех сторон как раз тогда, когда хорошенькие и молоденькие немецкие кухарки и посудомойки поверили Косте и Лехе и спрятали их в кладовке для продуктов. Пока Костя и Леха на правах гостей откупоривали пивные бутылки и отламывали колбасные хвосты, сидя в «пещере Алладина», то есть, в кладовке для продуктов, кухарки делились впечатлениями. Для удобства восприятия переведем их болтовню на русский язык.

- А тот светленький, ничего! Веселый!

- Маленький лучше! Пухленький такой!

- А что они там про больных говорили?
- Они за ними гонятся!
- Девчонки, я что-то слышала про больных. Вчера по радио говорили, кажется. В Африке, кажется.
- Я по ARD фильм видела. Там люди стали болеть, потом превратились в зомби и ели остальных. Страшно.
- А вдруг это все - правда?
- Что, правда?
- Про больных и зомби!
- Да ты что!
- А что?

И далее в таком же духе.

Затем, за всеми четырьмя стеклянными стенами кафешки девчонки увидели медленно движущихся людей в зеленых робах.

- Зомби!
- Больные!
- Не пускайте их девочки!

Эльза, Карин и Розамунда, предположим, что их так звали, бросились зашторивать окна в обеденном зале и закрывать входную с улицы дверь. Все эти действия они совершали довольно истерично, на ходу выкрикивая, приведенные выше слова.

А в обеденном зале ужинали посетители. Не так чтобы полный зал, но был народ. И как назло или, напротив, на радость, среди кушающих - временно исполняющий обязанности начальника медицинской службы 253 полка капитан Рябых. Так удачно совпало, что нач.мед. полка майор Пахомов был в отпуске, и Рябых занял его место, правда временно.

Капитан Рябых всегда находясь в тени старшего товарища и командира Пахомова не знал, где и как бы ему развернуться. Ему так хотелось развернуть хоть какую-нибудь деятельность. Противочумный лагерь или что-

то в этом роде! И тут, за ужином в «стекляшке» прозвучали, хоть и на немецком, но такие желанные слова: «Больные! Зомби».

Капитан медик вскочил, мигом оценил обстановку и закричал во всю свою не слишком могучую грудную клетку: «Всем оставаться на местах! Двери заблокировать! Вокруг нас возможно эпидемия»!

Ужинающий через два столика пожилой полковник с крылышками на синих петлицах, при словах капитана чуть не поперхнулся гуляшом, но не стал, предусмотрительно, вступать в медицинские дела.

Через полсекунды Рябых, обмотав лицо салфеткой оказался перед входной дверью лицом к лицу с патрульным старлей.

Старлей злился, не забывая про субординацию.

- В чем дело, товарищ капитан, почему не открываете?

«Возможно, вокруг заражение! И вы, товарищ старший лейтенант, возможно, заражены!» – Капитан разошелся не на шутку.

«Какое заражение? Мы преследуем американских шпионов! Возможно, они прячутся в кафе!» – Воскликнул старлей, уткнувшись мокрым от пота лбом в стекло двери.

«А они тоже заражены»? – Не унимался ВРИО нач.мед полка.

- Да кто их знает? Я считаю, что все возможно! А зачем они тогда здесь? Явно гадость задумали супостаты!

Сказав эти слова, старлей тяжело задышал, потом закашлялся и, в конце концов, громко чихнул.

«Видал! А»! – Капитан Рябых побагровел да кончиков ушей.

В довершении картины массового заражения, уставшие от погони бойцы военного патруля буквально попадали, кто где и кто как в радиусе ста метров от стеклянных стен кафе.

- Здесь есть телефон? А вы не понимаете? Haben Sie ein Telefon?

- Natürlich! Das Telefon ist im Büro.

Капитан судорожно набрал номер.

- Соедините с дежурным по части. Да, срочно! Говорит капитан Рябых, временно исполняющий обязанности начальника медицинской службы полка. Немедленно! Объявляю карантин в полку! Никаких выходов из казарм! Ждать моих дальнейших распоряжений!

«Саня, ты что ли? Какой карантин? Какие распоряжения»? – Дежурный по части капитан Кукса определенно не понимал, в чем собственно дело.

«Товарищ капитан, не до фамильярностей! В городе эпидемия! Я нахожусь в очаге заражения в «стекляшке»!» - Рапортовал Рябых, заметно раздражаясь.

«А, в «стекляшке»! Тогда все понятно! Ну, ты там в очаге заражения сильно не заражайся, Сашка! С кем заражаешься, то»? – Кукса все еще не видел реальности сложившейся ситуации, а, может и не хотел видеть.

- Я вам не Сашка, товарищ капитан, а начальник медицинской службы полка! Приказываю объявить боевую тревогу!

- Да ты не кипятись! Разберемся! Давай выбирайся из очага заражения!

«Повесил трубку, представляете!»! – Рябых был вне себя от гнева!

Дальнейшие события разворачивались с молниеносной быстротой. По всему гарнизону объявили тревогу. Ловили американцев, которые занесли опасную заразу. Следует заметить, что «американцы» в это время допивали ящик отменного немецкого пива из маленьких пузатеньких бутылок и доедали третью палку сыровяленой колбасы и готовились отойти ко сну, растянувшись на мешках с крупой.

Рябых обосновался в своем полевом штабе - кабинете Frau Direktor в «стекляшке». Он слал депеши, передавал телефонограммы, в общем, бурно действовал! Взяв через замочную скважину соскоб из ноздри старлея, и тщательно завернув его в целлофан, готовился к худшему. И худшее не заставило себя ждать! Вокруг «стекляшки» началась эвакуация патрульных. Их бережно, поддерживая за руки, каждого по очереди отводили в специально приготовленные машины солдаты химической защиты. Вокруг расползлся запах талька от костюмов ОЗК. Американцев уже не искали.

«Да они уже далеко, наверное! Свое дело гады сделали!»! – Деловито произнес старлей, когда его препровождали в машину.

Тем временем «гады», наверное, и впрямь были довольно далеко в своих наивных снах, а на деле через перегородку от кабинета, вернее штаба Рябых.

Очередь эвакуироваться дошла и до посетителей внутренних помещений кафе. Через специально приспособленный рукав-шлюз в форточке варочного отделения кухни просунули требуемое количество комплектов ОЗК, которые тут же раздали.

«Первый раз, за двадцать пять лет службы, со мной такая напасть», - пожаловался пожилой полковник с крылышками на петлицах, продираясь сквозь дебри зеленоватого комбинезона.

«Позорище!» - Почему-то добавил он, предвкусывая неладное впереди.

Из кафе вышли все.

Пять одиночных офицеров разных чинов и званий, три семейные пары с детьми. Все зеленоватые, в ОЗК.

Тяжелой поступью последним обеденный зал покинул капитан Рябых, судорожно сжимая в зеленой рукавице целлофан с соскобом из ноздри старлея.

Интересно, что про немецкий персонал никто не вспомнил. Кухарки и посудомойки испуганно наблюдали за процессией, пока не захлопнулась дверь.

Тем временем стемнело. Эльза пошла будить ребят. Про зомби почему-то уже не говорили.

«Их всех увезли», - заметила Розамунда, запирая дверь.

Прятавшиеся до темноты по углам и нычкам немецкие обыватели с уходом русских начали потихоньку покидать свои убежища, на ходу обсуждая виденное.

- Русские опять чудят!

- Поймали кого-то!

- Кто их поймет!

- Учения, наверное!

Далее, во всех частях гарнизона под ответственность капитана Рябых был объявлен, на всякий случай, карантин из-за угрозы распространения гриппа. Да, да, гриппа, чтобы не было лишних вопросов.

А город утром возвращался к обычной жизни. Молочники развозили молоко, газетчики газеты, трубочисты красочно вышагивали по переулкам. Люба и Гастон отсиживались у «вольняг».

«Вольняги» опохмелялись.

Не знаю, как в других частях, но в 253 полку в спортзале организовали изолятор. В изолятор Рябых поместил всех, кого он посчитал потенциально зараженным. Таких набралось много.

В казармах закрыли двери. С боевого дежурства никого не выпускали. Рябых пригрозил караулкой каждому, кто нарушит карантин, не взирая на звания.

Офицеры поспешили скрыться по домам от Рябых подальше. Часть притихла.

Вторая ночь со времени объявления карантина опустилась сырым туманом на крыши казарм. Полк спал. Спали зараженные в изоляторе. Спали бойцы на смене боевого дежурства. Спали караульные в карауле.

Не спал капитан Рябых, ожидая звонка от друга лаборанта из госпиталя в Лейпциге.

Звонко разорвал тишину телефонный звонок.

«Ну что там? Чума? Сибирская язва? Коронавирус»? – Вопросил Рябых в трубку.

«Да нет. Просто слизистая носа». – Зевая, промычал друг лаборант.

«И всё»? – Не унимался капитан.

- Всё-о-о. Обращайся, если чего Санёк.

«Повесил трубку, представляешь»? – Тряхнув за плечо уснувшего санинструктора, воскликнул Рябых, и добавил: «Представляешь»!

Капитан надел фуражку, запер кабинет.

Выходя из санчасти, кинул на ходу дневальному: «Я – домой».

«А если будут вызывать? Товарищ капитан», - спросил дневальный в длиннополом стеганном халате.

«Если будут вызывать, я на вызове»! – Отрезал Рябых и хлопнул дверью.

В середине ночи, когда дежурный по части уже точно лазить не будет, две черные фигуры пробирались из окна спортзала, перебежкой к окну первого этажа казармы. Три пролета вниз в подвал в Димкину каптерку.

В каптерке накурено и жарко. Трое пили чай. Димка Огурцов, Костя Любимов и Леха Гастев. Две черные фигуры, кравшиеся из изолятора, на свету каптерки оказались Игорем Малашиным и Мишкой Рыжковым. Расположились теперь впятером.

«Ну, ты Люба с Гастоном и заварил кашу!» – Закуривая, забасил Миха.

«А мы-то чего? Это все девки из «стекляшки»! Зомби! Зомби!» – Оправдывался Люба.

Наступило следующее утро карантина. Туман рассеялся. Солнце ласково припекало.

За сорок минут до развода через КПП со стороны ДОСов в часть входил начальник медицинской службы полка майор Пахомов, вернувшийся накануне из отпуска. Дежурный по КПП старший прапорщик Горелов не решился доложить Пахомову о карантине, чтобы не портить тому настроение.

Нач. мед действительно был в хорошем настроении. Соскучился что ли по своим. Шел вприпрыжку, насвистывая какую-то песенку в такт.

«А что так тихо в полку? Где все?» – Подумал вслух Пахомов, вглядываясь в закрытые двери казарм.

Перешел на быстрый шаг, потом на бег. Вбежал в санчасть. Разбудил дневального в длинном стеганом халате.

- Где Рябых? В чем дело?

- Капитан Рябых на вызове! У нас карантин!

- Какой карантин? На каком вызове?

Следом за Пахомовым в полк через двадцать минут шел командир полка, а по совместительству и начальник гарнизона полковник Косолапов, который по иронии судьбы также вернулся из отпуска.

Надо отметить, что и начальник штаба подполковник Гусев в эти странные дни тоже был в отъезде.

Мало того еще и начальник политического отдела полка подполковник Шиян в самый что ни на есть карантинный переполох был на конференции в Дрездене. Ну, так совпало!

Дежурный по КПИ старший прапорщик Горелов, стоя на вытяжку перед «папой» и рапортуя даже помыслить не смел от том, чтобы доложить о карантине. Что-то подсознательно подсказывало Горелову, что лучше обойти эту скользкую тему. Как бы чего для него, Горелова, не вышло!

Так никто «папе» ничего и не доложил! И все как-то забылось.

Старлея в красных погонах больше в военный патруль не назначали. Рябых от всего открестился, вроде не причем.

Карантин по-быстрому разогнали.

Химики те вообще были довольны – провели показательные учения, лишний раз полезно ОЗК перетрясти.

Про американцев тоже как-то забыли.

Только долговязый санинструктор три раза потом ходил в кабинет к особисту майору Горлову и по многу часов там пропадал.

«Стекляшку» с тех пор стали называть очагом заражения, а подгулявших офицеров зараженными.

Но и это со временем исчезло, забылось, накрылось сырым мерзбургским туманом.